

Иван Постный

Владимир ТРЕНИН

г. Петрозаводск

Коля проснулся от стука в окно. Растворив ветхие, в облупившейся краске рамы, он высунулся по пояс в холодный августовский туман. За окном в серо-молочной пелене видны только ветви рябины, простертые из мглы к бревнам старого дома. Коля вытянул руку, и ему показалось, что ладонь растворяется в пустоте. Вдруг по груди больно ударил маленький камушек.

– Кто здесь? – крикнул Коля.

– Миха! Кто ж ещё! Собирайся, поедем рыбу ловить, – послышался с улицы знакомый голос.

Это был Мишка, Колин друг. Они договорились сегодня идти на рыбалку. Коля посмотрел на часы – половина пятого, а собирались они в восемь утра встретиться у моста:

– Чё так рано?

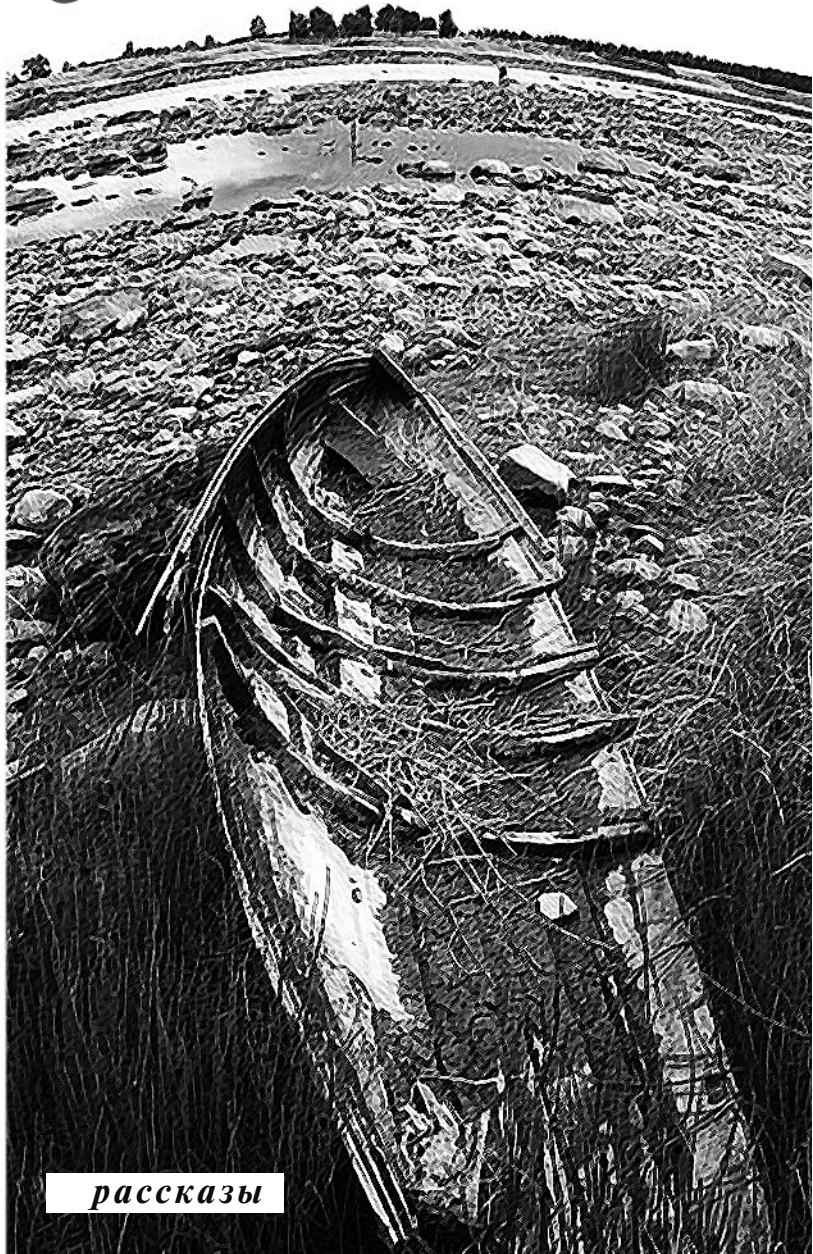
– Дядька на мотике в район едет по делам. Нас до «Ивана» подкинет. А то пешкодралом-то не очень баско, – раздался быстрый окающий говор из тумана.

– Хорошо, хорошо, сейчас выйду, – сказал Коля и закрыл окно.

Он стремительно натянул штаны, носки и рубашку. На цыпочках, чтобы не будить бабушку, прошел на кухню. Залпом выпил литр молока прямо из банки и взял кусок хлеба. Жужа на ходу, Коля открыл тяжелую дверь и прошел в сени. Там впрыгнул в резиновые сапоги, захватил эмалированное ведро под рыбу и, накинув отцовскую лесную куртку, вышел за порог.

Обычно с высокого крыльца открывался красивый вид на спускающийся к каналу зеленый луг, белую пристань и леспромхоз на другой стороне. По ка-

Ностальгия

рассказы

налу, Волго-Балтийскому водному пути, неторопливо проходили сухогрузы типа река-море, контейнеровозы и пассажирские теплоходы. Сейчас же в пределах видимости не было даже парника с огурцами, а калитка в десяти метрах от дома еле угадывалась в светло-сером мареве. Весь видимый мир для Николая ограничивался крыльцом, дорожкой до ворот и поленницей у забора, исчезающей в пустоте.

Коля представил себя моряком, стоящим на борту своей каравеллы, дрейфующей в штиль, вблизи незнакомых берегов, скрытых в тумане. Он встал сбоку — благо, леер у капитанского мостика был низкий, расстегнул ширинку и выпустил мощную пеннистую струю прямо за фальшборт — «в морские волны», то есть на грядку с горохом.

— Ты скоро там? — послышалось за калиткой.

— Иду, — Коля застегнул штаны, повернувшись, взял из угла длинное удилище, схватил ведро, положил туда ранее заготовленный пакет с банкой червей и спустился с крыльца.

На улице его ждал Миша — худой, похожий на кузнечика четырнадцатилетний голубоглазый юноша, со светлыми растрепанными кудрями. Он был в такой же, как у Коли, большой для него, куртке лесного мастера и сапогах. Рядом на красном «ижаке» сидел парень в мотоциклетном шлеме — дядя Андрей, очень похожий на Мишку, только взрослее, выше и в два раза шире.

Андрея уважали в деревне. Он воевал, был ранен в Афгане. Для всех подростков на переломе восьмидесятых и девяностых, во время агонии великой страны, когда клеймили все старое, пересматривали историю, очерняя былых героев, нужны были какие-то свои ориентиры — такие, как дядя Андрей. Человек испытан войной — это был «знак качества». Ребята даже немного завидовали Мишке, ведь у него такой боевой дядька.

Коля обратил внимание, что мотоцикл был без коляски.

— И как мы поедем? — спросил он.

— Не ссы, садись за мной, — Андрей качнул головой за плечо.

Миша сел впереди — ближе к бензобаку, а за водителем на краю сидухи уместился Коля с

ведром. Оба удилища они положили нижней частью на руль и протолкнули вперед, как копыта у средневековых рыцарей. Середина удочек удерживалась под дужкой ведра, а вершина их хлыстом болталась позади.

— Держитесь крепче! — крикнул Андрей, заводя мотоцикл.

Через секунду «Иж Планета-5» с тремя пассажирами выскочил из переулочка на главную улицу и лихо, с рёвом, газанул в сторону канала. Несмотря на нулевую видимость, Мишкин дядя ехал очень быстро, во всяком случае так казалось Коле. Из-за широкой спины Андрея он не видел, что творится впереди, а по сторонам пролетали только ключья тумана и деревянные столбы ЛЭП. Следить за дорогой оставалось лишь по смене покрытия. Было件нятно, что они заехали на асфальт богатой леспромхозовской стороны или соскочили на бетонку — значит, деревня закончилась, потом повернули на ухабистую грунтовку. Слева и справа их обступил лес. Тёмная корба нависала над дорогой, тянулась из пелены широкими еловыми лапами.

Коле казалось, что ехали очень долго, хотя на самом деле минут пятнадцать-двадцать. Он изо всех сил одной рукой держал удочки с ведром и чуть не вылетал на дорожных кочках, судорожно хватаясь за твердое плечо водителя. Наконец Андрей притормозил, вырулил к просвету на обочине.

— Приехали, — сказал он и заглушил мотор. — Ну, рыба, берегись! Не маленькое ведерко-то взяли? А то, глядишь, улов не влезет! — посмеивался Андрей над здоровенным Колиным ведром.

— В самый раз, — солидно сказал Миша. — Хватить балякать. Заводи свой тарантас да езжай, тока не так шибко. А то убьёсси, что я бабке скажу? — строго наказал дяде.

— Бывайте, счастливо порыбалить, — улыбнулся Андрей, завел мотоцикл и, тарыхтя, нырнул в туман.

Ребята, поеживаясь, стояли на дороге, смотрели ему вслед.

— Пошли, что ли, — прервал тишину Коля и шагнул на тропинку.

Двинулись через луг, навстречу им выплывали из мглы, как доисторические животные,

большие стога сена. Рассветало. Молочно-серый туман перекрашивался в сиренево-розовые тона. Впереди как будто стало бледнее, под ногами зачавкало, тропинка вывела к болотистому берегу, заросшему осокой.

Озеро, на которое ребята приехали, находилось в шести километрах от деревни и называлось Иван Постный. Это был небольшой круглый водоем, примерно шестьсот метров в диаметре, с удивительно прозрачной водой, белым илом, и даже коряги на дне его были светло-бежевого оттенка. На Вытегорских заболоченных равнинах озера с такой чистой водой, как в Иване, большая редкость. Несколькими сотнями метров восточнее находилось ещё одно озерико — Корбозеро. В нём вода по цвету напоминала крепко заваренный чай. Здесь рыбы было гораздо больше, но ребята все равно предпочитали рыбачить на Иване Постном. Ах, какие там водились окуни! Не очень крупные, но красивые, светлые. Даже полупрозрачные, если смотреть сквозь них на солнце. Рыба не пахла тиной, как окушки из Корбозера, а благоухала свежестью — это, наверно, самые вкусные окуни, которые Коля ел в своей жизни.

Издавна старики говорили о целебных свойствах воды из Ивана, но никто толком не знал о происхождении названия. Позднее, когда станет старше, начитавшись Карамзина и Ключевского, Николай придумает для себя историческую версию. Ведь день усекновения головы Иоанна Предтечи (11 сентября по старому стилю) называют на Русском Севере Иваном Постным. Возможно, в стародавние времена новгородские промышленники, обращая в свою веру племена местных финно-угорских туземцев, крестили их вождей, окуная в эту прозрачную водицу, и именно поэтому озеро было названо в честь Иоанна Крестителя.

И вот ребята стояли в прохладной, обволакивающей их светло-сиреневой тишине на берегу Ивана Постного. Коля замер, сладко и тоскливо заныло в груди, голова закружилась.

— Э-эй, Ваня, вот и мы, здарóво-о! — заорал Миха в сторону озера что есть силы.

— Во-о, во-о! — ответило ему эхо из тумана.

Коля вздрогнул и закричал вместе с другом. Они шумели, махали руками, и эхо вторило им. Надурочившись вдоволь, пошли искать лодку. Старая общественная плоскодонка оказалась притопленной рядом с берегом, недалеко от тропы. Кольцо с веревкой торчало из форштевня, конец был привязан к ближайшей сосне. Под деревом лежали вёсла, рядом — булжник, обмотанный веревкой, — он играл роль якоря.

Ребята подтащили лодку и вычерпали воду двумя консервными банками, плавающими в ней. Загрузили вёсла с камнем, удочки, ведро и отчалили. Туман стал рассеиваться, хотя другого берега еще не было видно.

Вставив уключины, Коля потихонечку выгребал, с подозрением осматривая днище лодки. Миша сидел на корме. Через некоторое время Колины опасения подтвердились: чёлн их протекал, правда, не очень сильно. Примерно раз в полчаса надо будет отчерпывать воду. Они проплыли еще немного и бросили якорь. Коля размотал удочку, достал червяка потолще и насадил на крючок.

— Ну что, начнём. Ловись, рыбка, большая и маленькая, а лучше — большая, — полушёпотом сказал он, плюнул на червя и закинул удочку.

Миша забросил с другого борта. Пошла рыбалка. Потянулись минуты, часы. Туман окончательно рассеялся.

Рыбаки несколько раз меняли место. Пройдя вдоль всего берега, уходили на глубину, потом вернулись, где начали. Но рыбы не было — ни одной поклёвки. Стало припекать. К полудню в воздухе появилась полупрозрачная серая дымка, закрывшая солнце. Всё затихло кругом. С запада небо потемнело.

Коля, в очередной раз закончив вычерпывать воду, посмотрел вверх, потом на Мишин поплавок.

— Похоже, не будет сегодня рыбы, да и гроза собирается, — показал он на тучу товарищу. — Полчасика — и домой?

— Да, — грустно вздохнул Миша.

Пробковый самодельный поплавок его, уже как будто целую вечность замерший на одном месте, вдруг внезапно дёрнулся, потом еще раз и ушел под воду. Мишка словно окаменел и никак не реагировал.

– Клюёт же, клюёт, тащи! – крикнул ему Коля, выводя друга из ступора.

Мишка вскочил на ноги, да так, что лодка чуть не перевернулась, и резко дернул удилищем. В воздух взметнулся бьющийся светлый полосатый окунь размером с мужскую ладонь. Миша схватил его и хотел показать другу, но у Коли в этот момент тоже клюнуло, он подсёк и вытащил окушка поменьше. Посмотрел на Мишку, подмигнул ему, быстро снял рыбу с крючка и кинул в ведро. Поправил червя и закинул снова. Через секунду поплавок дернулся. Коля выдернул еще окуня. От азарта затряслись руки.

У рыбы начался страшный жор. Ребята не успевали закидывать удочки. Пойманных окуней бросали вначале в ведро, а потом, когда оно заполнилось, прямо в лодку, под ноги. Боясь, что закончится наживка, червей стали рвать на мелкие кусочки. Казалось, клюёт на пустой крючок – просто на запах.

Небо потемнело. Вдалеке засверкало и загрохотало. Гроза обходила стороной. Начался дождь, но клёв не прекращался. Вода в лодке прибывала, а рыбакам было не до того. Оба они стояли в полный рост, вымокшие до нитки, и махали удилищами, как пастух – бичом или как воин – двуручным мечом, сверху и сбоку, вперед от плеча и назад. Затаскивали окуней, изредка переглядываясь и безумно хохоча. В лодке стало тесно, вода бурлила от рыбы, которая тёрлась об ноги – даже ступить было некуда. Когда плоскодонка почти заполнилась водой, самые активные пойманные окушки начали выпрыгивать обратно в озеро. Борт возвышался над водной гладью сантиметра на два-три. Дождь усилился, и влага стала прибывать в лодку ещё и с неба.

Вдруг всё как отрезало. Клёв внезапно прекратился. Рыбачья вакханалия длилась около часу. Миша схватил консервные банки в обе руки и начал быстро выплескивать воду. Коля очень аккуратно и тихо правил к берегу, стараясь не зачерпнуть бортом и не перевернуться. Добравшись до суши, ребята вытащили лодку. Ведро оказалось полным – надо было куда-то девать рыбу. Тогда Коля расстелил на земле лесные куртки – свою и Мишкину, и добычу стали сваливать прямо на бре-

зент. Потом связали рукава – получилось два мешка с рыбой.

Удилища как лишний груз решили с собой не брать. Сняли только лески с поплавками и замотали на кусок коры. Лодку привязали обратно к сосне. Когда все сделали и приготовились уходить, дождь закончился.

Друзья стояли на берегу и смотрели на затихшее озеро. Выглянуло солнце.

– Такой рыбалки у меня ещё не было, – заметил Коля, беря ведро в одну руку и узел с рыбой в другую.

– Разно было. Было и баско, но башще, чем сёдни, не клевало никогда, – с достоинством согласился Миша, двинувшись к дороге.

– Спасибо тебе, Иван, может, ещё увидимся! – сказал Коля, повернулся и поспешил за Мишкой.

Друзьям повезло: встретился попутный лесовоз. Разговорчивый шофер расспрашивал, как рыбалка, как клёв, но ребята отвечали односложно: нормально, мол, и всё. Больше молчали, понимаясь переглядываясь друг с другом, будто у них была своя тайна.

Рыбу решили делить на крыльце. Когда Коля вывалил второй узел, из дома вышла его бабушка.

– Батюшки святы, рыбы-то сколько! – всплеснула она руками. – Ишь, добыткики! Что мы делать-то с ней будем?

– Есть, – сказал Коля и подмигнул Мише.

В конце лета Коля уезжал домой, в город. На автобус его провожала бабушка. Пассажиры громко обсуждали события в Москве, какой-то путч, переворот... Коле было на всё это наплевать, он смотрел в окно на белую пыльную дорогу и с тоской думал о предстоящей школе. Когда автобус сбавил скорость у канала, мимо проехал красный мотоцикл с двумя знакомыми седоками, Коля проводил их глазами и улыбнулся про себя.

Больше на Иване Постном Николае так и не побывал.

Мой сосед Чёка

Чёка жил в соседнем бараке. Я познакомился с ним прохладным днём в конце сентября. Он воровал мои дрова. Время было топить печь. Зайдя в сарайку, увидел, что у задней стенки на углу отодвинута доска и чья-то рука ловко подчищает мои скудные запасы сухой берёзы. Рука эта, появляясь и исчезая, быстро хватала и выбрасывала поленья через щель наружу. Я тихо подошел, схватил невидимого воришку за предплечье и дёрнул. С треском впечаталось тело в старые доски дровяника.

— А-а, сука, отпусти! — просипело за стеной.

— Ты кто? — спросил я, заламывая руку.

— Чёка! Чёка я, сосед твой. Отпусти, больно!

— Выходи, — сказал я, ослабляя хват.

Чёка оказался худым смуглым мужичком лет сорока пяти. Он стоял передо мной, потирая ушибленное место, и беззубо щерился.

— Здорово, сосед! — он протянул заскорузлую четырёхпалую ладонь, как будто только что не был пойман на воровстве.

— Здорово, — я пожал руку и посмотрел в хитрые зеленовато-жёлтые глаза. Даже тени угрызения совести, не то что проблесков раскаяния, я там не заметил.

— Говорят, ты наш новый учитель географии?..

— Слушай, Чёка, — перебил я его. — Если ещё раз поймаю, сломаю руку.

— Не вопрос, всё понятно. Ты это... Выручи полтинник до аванса. Отдам, зуб даю, — махнул он большим пальцем у рта.

Вот так я познакомился с соседом.

Чёка был очень интересной личностью — этаким деревенский экзистенциалист, ходящий по очень тонкому льду, — проваливался в смерть, чтобы понять жизнь.

Дрова он и дальше воровал. Только ночью. Одолженные пятьдесят рублей (в то время это ещё были деньги) сосед с аванса так и не отдал. Не удивительно, ведь никакого аванса в

природе не существовало, — уже лет двадцать он нигде не работал.

В октябре мне привезли машину сухостоя. Чёка помог его распилить, наколоть и убрать в сарай. После этого я, сохраняя лицо, официально разрешил ему пользоваться дровяником, ведь всё равно ворует.

Чёка был знаменит как дегустатор разнообразной политуры. Когда местные мужики доставали подозрительное спиртосодержащее пойло, то звали моего соседа, который давал заключение о возможности его использования. В округе ходила легенда о том, как Чёка героически спас людей ценой почти смертельного своего отравления. На одной делянке после отъезда лесорубов нашли ёмкость со спиртом. Дали Чёке попробовать. Он отпил глоток и, прежде чем упасть замертво, прохрипел: «Мужики, не пейте!» И всё. Тогда он на время ослеп. Еле откачали.

Перебивался Чёка случайными заработками: кому огород вскопает, кому забор поправит. В конце лета и осенью сдавал грибы, ягоды. Зимой и весной ловил рыбу, снег бабкам чистил да дрова колол.

Подкопив деньги, шел на «яму»: брал канистру «сучка» и запивал. Пил отчаянно и чёрно, как в последний раз, — пропадал из жизни на неделю, а то и на две. Когда спирт заканчивался, Чёка, пошатываясь, выходил на крыльцо, дрожащей щепотью ухватив беломорину, закуривал. Садился на завалинку. Долго смотрел на небо, облака и птиц, на пробегающих собак и кошек, на траву или на снег — в зависимости от времени года. Улыбался о чём-то. Он трогал свои руки, ладонями тёр лицо, наверно, сомневаясь, что ещё живой. Потом вздыхал и уходил по каким-то делам.

Немного отойдя, вечерами он заглядывал ко мне в гости. Если я ещё готовился к урокам или проверял тетради, Чёка садился у печки, закуривал и уважительно ждал молча. Потом мы пили чай и играли в шахматы. В первый раз, когда он предложил сыграть, я думал, что разделаюсь с соседом шутя. Подумаешь, деревенский алкаш! Не тут-то было. Первую партию я проиграл вчистую. Досадовал на себя и чуть не продул вторую. В общем, как выяснилось, играли мы наравне с переманным успехом.

Однажды в декабре Чёка за вечерними шахматами похвастался, что принёс домой котёнка — уже подросткового, месяцев двух. Отобрал у соседских детей, мучивших его.

— Вот что за люди растут! Хуже зверей! Опалили ему усы и уши! — жаловался Чёка.

— Зачем он тебе? Ты запьёшь — котей пропадёт, — сказал я ему.

— Ничего, пожрать оставлю, — он взялся за ферзя. — Шах тебе. Ещё я ему дырку в двери с резиновым брызговиком сделал, чтобы гулял свободно. Если что, к людям сходит или вона — к тебе прийдёт. Накормите.

— Кстати, а как тебя на самом деле зовут? — спросил я, уводя короля.

— Зовите меня Измаил. Шах!

— Что, правда Измаил? — я жертвую коня.

— Шучу. Чёка я. От слова «Человек». Мат! Как всегда, подкрался незаметно, — человек выиграл.

После новогодних каникул Чёка запил. Пару раз чёрный его котик приходил ко мне, поев, с достоинством удалялся.

В начале февраля я уехал в город налаживать свою личную жизнь. Вернувшись через десять дней, не заходя к себе, постучался в дверь к соседу. Никто не открывал. Я забарабанил сильнее.

— Идите на!.. — проорал Чёка из глубины своей пещеры.

Значит, поиск трансцендентной сущности продолжался. Наверно, взял две канистры спирта.

Кот больше не появлялся: либо подход с голоду, либо замёрз.

Надо сказать, что зима была лютая в тот год. Как я ни топил, к утру в моей щитовой хибаре замерзала вода в рукомойнике. Спать приходилось в геологическом спальнике из овчины. Страшно не хотелось вставать и идти по нужде в общественную уличную уборную, где коричневые крутые горы, покрытые шапками инея, торчали чуть не на полметра из каждого очка. Этакие модели Джомолунгмы и Чогори, которые были тверды, как сталь, и ломик откакивал с искрами от этих вершин из замёрзших фекалий.

А дальше всё было хорошо. Зимы ведь заканчиваются.

Прошло уже почти двадцать лет, а я как сейчас помню. Среда, третье марта, у моего отца именины в этот день. Где-то около двух часов я шёл с работы, заходил в свой переулок, мимо тёмно-серых барачков, помоек и покосившихся оттаявших сортиров. С крыш бежала весенняя вода.

На завалинке курил Чёка. Рядом сидел чёрный котей — такой же облезлый и худющий, как его хозяин, и шурился жёлтыми глазами на солнце.

Чёка махнул мне рукой, кивнул на кота:

— Живой, подлюка!

Нать
ржавых кос

Жизнь подкатилась к сорока годам. Учёба, работа, семья, машина, квартира — «всё как у людей». Но иногда я просыпаюсь в слезах. Тоска и ломота в груди. Наверно, что-то не так? Что-то прошло, и я не смог заметить важное. Очень важное. И не вернешь этого никогда...

Счастье — абсолютное счастье я впервые почувствовал, когда приехал после восьмого класса в деревню к бабушке. Это было раннее утро. Свет пробивался в комнату, через ветви рябины и мутные стекла, прочерчивая светложелтые дорожки в пыльном воздухе. Запах старого дома. Я лежал на высокой железной кровати, на мягкой перине, и был счастлив. Впереди — целое лето и вся жизнь!

Раньше мне часто снились сны, как я выскакиваю из автобуса, несусь короткой дорогой впереди родителей через крапиву и огороды, мимо хлева с поросенком, дровяника и дедова сарая. Дальше забегаю на крыльцо, врываюсь в дом — в сени, через пару тяжелых дверей — прямо в кухню, русская печь жарко дышит, пекутся пироги. Направо — всегда открытая дверь в большую комнату, где три окна и зеркало с боковинами, в которые можно увидеть собственный затылок, «голландка» в углу, дальше большой шкаф с книгами и посередине круглый стол. И бабушкино объятие, и сдержанное рукопожатие дедушки... Сейчас такое снится всё реже.

Летом я всегда ездил в деревню в Вологодской области. Пока маленький — с родителями на пару недель, потом — один на все три месяца. Когда одноклассники, хвастаясь, рассказывали про море и душевные плацкарты, считая, что это лучший отдых, я всегда защищал свою деревню и гордо повторял дедушкину присказку про географию моих путешествий: мол, был я «в Анненских мостах, Вытегорских погостах и в Бадогах».

Помню, как радостно было приезжать в деревню. Начало лета, потом длинные жаркие, а иногда и дождливые дни, которые быстро пролетали и безжалостно укорачивались... И я с грустью понимал, что пора в город, в эту дурацкую школу. А потом опять сны-сны о той большой комнате с круглым столом и тремя окнами. Наконец наступал май — и мой цикл снова замыкался.

В последний раз я приехал в деревню студентом. Дед тогда уже умер. Бабушка как бы и не изменилась — казалась такой же доброй и смешливой. Она решила, что я уже взрослый, и налила мне за ужином водки.

В то лето я взял с собой в деревню очень толстый учебник, потому что был молод, влюблен, прогуливал — меня оставили на осень. Много читал и готовился. А еще больше лежал в лугах и смотрел на огромные северо-

русские облака, какие бывают на Вологодчине в конце июля, мечтал о большой и, наконец, ответной любви и будущей насыщенной жизни с путешествиями, приключениями — разве что без полетов на Луну.

В один вечер бабушка попросила меня скопировать межу. Рано утром я открыл сарай с инвентарем, выбрал косу с длинным косовищем. У деда в сарае они висели в ряд — после его смерти их никто не трогал.

Прохладно. Туман, роса. Но мне было жарко и радостно, я косил, еще не осознавая, что это больше никогда не повторится. Не будет ни той радости, ни тумана, ни лета и ни дома с круглым столом...

В следующее лето бабушка упала там же, на меже, — прошёл инсульт. Мама привезла ее к нам в город. Еще семь лет бабушка жила... А возможно, и нет. Дом в деревне сгорел, когда она еще, может быть, что-то понимала.

Несколько лет назад, проезжая родные края, я зашел на пожарище — на место нашего большого дома, где почувствовал своё первое счастье. Потоптавшись среди зарослей крапивы и малины, нашёл только пять ржавых кос...

□

Владимир Витальевич ТРЕНИН

родился в 1977 году.

Окончил Карельский государственный педагогический университет по специальности «география»,

а также аспирантуру при ИВПС КарНЦ РАН.

Работает геологом в АО «Росжелдорпроект».

Литературным творчеством увлекся недавно.

Пишет рассказы.

Ранее не публиковался.

Живет в Петрозаводске.

Ранее не публиковался.

